

УКРАИНСКИЕ АКТЕРЫ В РОЛЯХ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Среди деятелей украинского театра издавна живет глубокий интерес к проведению русской драматургии.

Великая Октябрьская революция принесла расцвет украинскому театру, и актеры Советской Украины создали целую галерею прекрасных образов русской драматургии. В историю театра войдут такие классические создания А. Бучмы, как Иван Коломийцев и Павел Железнов в пьесах Горького, такие образы, как Борис Годунов в исполнении Ю. Шумского, Хлестаков — И. Марьяненко, Катерина — В. Чистяковой и другие.

В этот свой приезд в Москву Киевский украинский драматический театр имени Ив. Франко показал два спектакля русской классики — «Егор Булычов и другие» и «Без вины виноватые». И в этих спектаклях мы увидели ряд интересных актерских работ: Незнамов — Е. Пономаренко, Галчиха — В. Бжеская, Шмага — Д. Милютенко, Звонцов — П. Сергиенко, трубач — Н. Паясьев и в первую очередь М. Крушельницкого — Егора Булычова и Н. Ужвий — Кручинину.

ЕГОР БУЛЫЧОВ — М. КРУШЕЛЬНИЦКИЙ

Перед выходом Егора — М. Крушельницкого на сцене поднимается суета — сейчас в дом войдет хозяйка. Потом все разбегают-

М. М. Крушельницкий
в роли Егора Булычова.

ся, и он входит в пустую комнату один, оставив Павлина позади в прихожей. Войдя, Егор останавливается, задумавшись, и вдруг недоумо и раздраженно разводит руками, словно так и не найдя ответа на какие-то захватившие его мучительные мысли. С этого внутреннего вопроса и начинается роль Булычова у Крушельницкого.

Во всем в доме, кроме Шуры и Глафиры, он относится неприязненно, в разговоре с Павлином, с Варварой и Ксенией у него появляются едкие, раздраженно-насмешливые, почти издевательские нотки, левый глаз прищуривается, взгляд становится узким, колючим, как игла.

...Конец первого акта, Егор — один. За окном слышится невеселое залихватская песня солдат «Соловей, соловей, пташечка», доносится лихой посвист. Егор — Крушельницкий присосался, приободрился, шагает в такт песне, тихонько бурчит «соловей, соловей, пташечка», лихо размахивает грелкой, которую раньше прижимал к больному боку. Его как бы захватила, захлестнула волна той жизни, которая течет за стенами его дома, он почти машинально, бессознательно подчиняется ее ритму.

Вдруг он резко остановился и задумался, словно встала перед ним картина утреннего посещения лазарета — искалеченные, израненные, умирающие люди; он как будто сердито спрашивает себя: чему же это я обрадовался, что это я шагаю

по комнате, что, за нелепость? — и летит в угол грелка.

Крушельницкий показывает, как и откуда родились у Егора огромная злоба, ненависть, сарказм по отношению к окружающему его миру и людям. Он отрицает этот ленивый и грязный мир, но своей правды, своей «улицы» не нашел и уже не найдет. Вот почему, в сущности, бунт Егора, как показывает его Крушельницкий, беспомощен, бесплоден. И потому, видимо, Егор — Крушельницкий нигде не обрешивается на людей, нигде не громит, не обличает их. Он только едко язвит, измыливается, пилит людей, сверлит их горящими острой наблюдательностью и ненавистью глазами. Ему хочется ударить, но уже нет сил размахнуться как следует. В этом — трагедия Булычова у Крушельницкого.

Егор — Крушельницкий обожжен своей ненавистью и тоской. У него все лицо заросло рыжей, словно опаленной, щетиной, его медные волосы всклокочены, и весь он в огне и пламени, весь какой-то воспаленный, взъерошенный...

Шукин говорил о своем Булычове, что его очень интересует действительность, он ее, так сказать, «аналитически взрывает». Егор — Крушельницкий тоже жадно любопытен к жизни и к людям, но он не «взрывает аналитически» действительность, он будто действует на нее сильной, едкой кислотой, а потом следит, изучает происходящие реакции.

В последнем акте он появляется совсем больным — еле дышит, еле передвигает ноги. Ему действительно плохо, но кажется, что он чуть-чуть подчеркивает свое состояние, чуть-чуть юродствует, кричась, как бы хочет сказать: вы все хотели видеть меня больным, слабым, ну, глядите, любуйтесь...

В разговоре с Меланией он продолжает юродствовать, гнусавым голосом тянет: «И остави нам долги наша». Его злоба и ненависть дошли до того предела, когда он уже просто гримасничает, издевательски передразнивает окружающих людей, их слова и поведение.

В бешенство приводит Егора «блаженный» Пропотей. Егор бросается на него, выгоняет, вырывает у него из рук посох. Так же вырвал он посох из рук Мелании во втором акте: в грозившем посохе для него словно воплотилась тулая и страшная ненавистная власть, все равно — земная или «божеская»...

Но вот Пропотея выгнали, все угомонилось. Снова задумался Егор — Крушельницкий. В руках — палка, отнятая у Пропотея. Он делает несколько шагов, опираясь на посох. Губы его кривит горькая улыбка: «странник»... Эх, если бы силы, словно думает он, пойти бы вот так, опираясь на страннический посох, прочь от этого дома, подальше от этой «чужой улицы»... Отбросил палку, схватился за бок, лицо искажено болью.

Выразительно играет Крушельницкий последнюю сцену. Егору плохо, он задыхается, вот-вот упадет... «Царствие твое... Какое царствие?»... — хрипло говорит он, поднимая злые и тоскующие глаза вверх, словно обращаясь к богу, и вдруг начинает едко и горько смеяться, как будто подводя итог всей своей жизни.

Так Крушельницкий сыграл огромную ненависть Егора к «чужой улице» хозяев и хищников, огромную, щемящую тоску от сознания своего бессилия что-либо изменить в жизни. Менее удалась ему другая сторона этого многогранного образа, — он еще недостаточно раскрыл страстную любовь Егора к жизни, его жизнерадостность, огромную, несмотря на болезнь, бурлящую силу.

Вот почему ему не удалось во всей полноте передать силу чувства Егора к Глафиры. Не удалась, на мой взгляд, и сцена с трубачом — в ней нет волнения и радо-

сти от встречи с хорошим, чистым и забавным человеком, нежности Булычова к трубачу, его улыбки. По этой линии хороши только взаимоотношения с Шурой — веришь, что ее он любит крепко, но человечески, по-горьковски. Но в основном все его душевные силы тратятся на ненависть и тоску, — ненависть и тоска словно опустошают его душу, и у него не остается ничего для радости, для любви, для буйного, веселого озорства...

Крушельницкому не хватает ощущения какого-то размаха, широты душевной. Обычно звучание образа Булычова ассоциируется с могучим, глубоким шляпным басом. У Крушельницкого, так сказать, характерный тенор, с таким тембром в опере поют Василия Шуйского, Бомелия, Поповича... И вот этот голос ведет трагическую партию. Получается неожиданно, не во всем убедительно, но, несомненно, остро и интересно.

Правда, сейчас в некоторых местах роли есть еще тень какой-то напряженности: актер, словно чувствуя некоторую односторонность своего образа, иногда стремится восполнить ее внешними средствами — старается сгустить и понизить звук голоса, сделать походку шире, шаги — крупнее и тяжелее и т. д. Все это, несколько сковывая актера, только мешает, и, надо думать, что большой мастер в дальнейшем избавится от этого недостатка.

Актер создает образ спорный, но, без сомнения, своеобразный и острый, тщательно разработанный, изобилующий мастерскими деталями. Тема Булычова у Крушельницкого — это не личная трагедия смерти, а тоска, боль и ненависть человека, увидевшего, что он прожил жизнь «не на той улице», человека, уже бессильного изменить что-либо. Жаль только, что эта остро разработанная тема заслонила тему могучего жизнеутверждения, которая ясно звучит в горьковском образе.

КРУЧИННИНА — Н. УЖВИЙ

Свежее, своеобразное прочтение центральной роли в пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые» нашла Наталья Ужвий.

Н. М. Ужвий
в роли Кручинины

Рис. И. Михайлина.

В первом акте спектакля ее героиня — нервная, впечатлительная и чуткая девушка. Годы тянутся ее связь с Муровым, у чужой женщины воспитывается их ребенок, ото всех она вынуждена таиться и прятаться. Годы живет она надеждой на счастливый исход, на брак с Муровым. И все труднее верить этой надежде, гнать от себя сомнения, тревогу.

Муров должен притти: ему нужно о чем-то поговорить с ней. Она полна светлого, радостного ожидания, но в ней живут и смутный страх и неясные сомнения. От ее внутреннего взора не ускользают неловкость и смущение Мурова. Она еще ни

о чем не догадывается, но ее сердце сжимается от каких-то тревожных предчувствий.

Вот это переплетение надежды со смутными предчувствиями, это отчаянное стремление защитить и укрепить тот мир мечты, в котором она живет, придает образу Отрадиной у Ужвий особую трогательность.

Наконец, она узнает самое страшное, убеждается в подлом обмане Мурова. И вдруг — каменеет, становится твердой, сильной в своем сдержанном презрении и гневе. Слово сразу сжалось и похолодело сердце, только что трепетавшее любовью и надеждой, заморившее от смутных подозрений и предчувствий.

Во втором акте мы видим ее уже совсем другой — внешне спокойной, сдержанной, полной достоинства. Одно в ней не изменилось — все та же повышенная чуткость, та же обостренность восприятий. Может быть, именно это и делает Кручинину замечательной актрисой.

Не убита и ее вера в лучшее, — она только окрепла, возмужала. Как и в дни далекой молодости, она живет надеждой и мечтой. Ее убедили в смерти сына, и все-таки она верит в возможность встречи с ним.

«Да если б он и вошел, так ведь вы б его не узнали», — возражает ей Дудукин. — «Нет, мне кажется, узнаю, сердце скажет», — задумчиво и уверенно отвечает Кручинина — Ужвий.

И в разговоре с Незнамовым между ними постепенно возникает неясное чувство близости. Ужвий — Кручинину томит желание по-матерински приласкать его, погладить его склоненную голову. Что из того, что это не ее сын, — ведь судьба ее Гриши могла сложиться точно так же, как судьба этого молодого актера.

Давая Незнамову деньги для Шмаги, она почти насильно вкладывает их в карман его пиджака. Ужвий — Кручинина не сразу отнимает руку от груди Незнамова, и в легком этом прикосновении бесконечная, хотя и скрытая нежность, едва заметная подавленная тоска. Она его не то приласкать, не то спросить о чем-то хочет...

В третьем акте Кручинина — Ужвий говорит с Муровым твердо, жестко, свои вопросы о сыне задает тоном судьи.

Муров говорит ей о вновь вспыхнувшей в нем страсти. «Как горько это слышать! Вы не дайте никакой цены свежому, молодому чувству простой любящей девушки и готовы унижаться перед женщиной пожилой, которой душа уж охладела, из-за того только, что она имеет известность!». Ужвий произносит эти слова тихо, не глядя на Мурова, адресуя их скорее самой себе, охваченная горьким раздумьем. И, слушая задумчивый голос Ужвий, глядя в ее глаза, мы ясно видим, как одинока ее Кручинина, чувствуем, что в жизни у нее ничего нет и не было, кроме ее первой поруганной любви. «Но, Люба, неужели не осталось в тебе ни одной искры прежнего чувства?», — продолжает Муров. — «Здесь нет Любы», — отчаянно кричит Ужвий, зажимая уши, рванувшись от Мурова, — она не в силах слышать это имя, вспоминать прошлое. И, овладев собой, говорит спокойно и гордо: «...перед вами Елена Ивановна Кручинина».

...Подвыпившие Незнамов и Шмага сидят одни в саду, тихонько пьют. Не замеченная ими, на террасе появляется Кручинина. В ее взгляде грусть и жалость. И опять вы чувствуете, что ее тянет к этому юноше, что снова ей хочется подойти к нему, поговорить с ним, может быть, приласкать... Незнамов поднял голову, встретился глазами с Кручининой, резко оборвал песню и смущенно отошел в сторону. Может быть, Кручинина — Ужвий и подошла бы к нему, но в этот момент входят Дудукин, гости...

Узнав в Незнамове своего сына, она, счастливая и гордая, уходит с ним вдвоем из этого мира, в котором он испытал так много горя.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.